

Фу Юй, казалось, потратил весь свой мягкий характер на эту самую пиалу, и хотя Ван Цзиси тащился за ним по пятам обратно в Резиденцию вана, всю дорогу Фу Юй не удостоил его ни единым словом.

Впрочем, так даже лучше. Ван Цзиси вовсе не собирался ставить Фу Юя в неловкое положение на банкете — просто он не подумал о последствиях, а когда всё случилось, уже раскаивался.

Фу Юй не выказывал открытого гнева, но царившее всю дорогу молчание выдавало, что он всё еще задет и лишь сдерживает раздражение.

Ван Цзиси зевнул. Глядя, как Фу Юй направляется в свою спальню, он тоже решил пойти спать.

— Стоять! Разве я разрешал тебе уходить? Или ты ни в грош не ставишь меня, хозяина?

Ван Цзиси тут же сменил выражение лица, заискивающе закивал и готов был в подобострастном порыве чуть ли не стелиться перед ним, прилипнув со счастливой улыбкой.

— Ваша Светлость, что за слова? Вы, конечно же, мой господин, а я навек ваш слуга! Если вы скажете «один», я ни за что не посмею сказать «полтора». Если велите идти на восток, я не посмею двинуться на запад. Скажете гнать собаку — я и не подумаю гонять птицу. Что прикажете, то и сделаю...

— Заткнись! Угомонись и стой там! Хватит снова и снова испытывать моё терпение! — Фу Юй сейчас был на пределе. — С чего это ты вздумал пререкаться с У Шанем на пиру?

Неужели Фу Юй сердился только из-за этого?

— Генерал У Шань первый задирает меня, я лишь дал сдачи. Нельзя же позволять ему думать, что людей из нашей Резиденции вана легко обидеть. Ваша Светлость, скажите, прав я или нет?

Фу Юй холодно усмехнулся. У этого Ван Цзиси голова, пожалуй, соображает неплохо... Ну раз так, пусть-ка он теперь посмотрит, какими выдающимися способностями обладает этот Ван Цзиси!

— А язык-то у тебя подвешен! — Фу Юй помрачнел, и было непонятно, рад он или гневается.

— О, благодарю за похвалу, Ваша Светлость! — Ван Цзиси снова расплылся в улыбке. Его необыкновенно лучезарное лицо казалось почти призрачным, однако в этом лице уже невозможно было узнать того бесстрашного, наглого и безрассудного Ван Цзиси, что жил здесь несколько лет назад. Фу Юй покачал головой, заставляя себя не вспоминать прошлое.

— Я вовсе не хвалю тебя! Ты опозорил меня перед таким количеством людей. Как, по-твоему, мне тебя наказать?

Фу Юй в упор уставился на Ван Цзиси горящим взглядом, а тот смотрел на него с улыбкой. На мгновение Ван Цзиси даже слегка оробел, но это чувство тут же испарилось. Фу Юй — вовсе не тот человек, которым можно безнаказанно играть, и Ван Цзиси отлично это понимал: в открытую тягаться с ним бесполезно, а значит, придется пустить в ход хитрость.

Ван Цзиси поднял лицо на Фу Юя и соорил крайне обиженный вид:

— Ваша Светлость, что вы такое говорите? Когда на улице столько людей судачили о вашей склонности к мужчинам, я что-то не заметил, чтобы вы так сильно злились на них! Вы просто издеваетесь над тем, кто одинок и бессилен, над тем, кто продал себя в рабство в эту резиденцию... У-у-у...

— Ступай! Несколько дней назад император прислал мне короткохвостую кошку — ступай побудешь у неё учителем! Научи эту кошку хорошим манерам, чтобы она, чего доброго, не вздумала позорить меня на людях так же, как ты!

Это что, новый способ ругаться? Или двусмысленный намёк? Ван Цзиси совершенно не уловил сути. Заставить его возиться с кошкой? Он сам себя прокормить не может, какая уж тут кошка! Когда он сонный и растерянный добрался до своей спальни, ему и впрямь принесли короткохвостую кошку.

Кошка оказалась на редкость толстой, пушистый комочек с забавно торчащим коротким хвостом сразу привлекал к себе внимание. При этом её круглые черные глаза смотрели с таким жалобным выражением, точь-в-точь как у самого Ван Цзиси, когда тот только что семенил следом за Фу Юем, пытаясь оправдаться. Можно сказать, одно лицо.

И что всё-таки означал этот кошачий подарок от Фу Юй?

Да хоть чёрт побери, что! Раз прислал — значит, теперь это его кошка.

Ван Цзиси забился под одеяло, прислушался к кошачьему мурчанью и почувствовал себя совершенно счастливым!

Спалось ему превосходно, продрал глаза он только на следующий день задолго после полудня.

Проснувшись и позавтракав, Ван Цзиси от нечего делать побродил по саду с кошкой на руках.

Он так и не понял, почему Фу Юй относится к нему так снисходительно — во всяком случае, на отношения господина и слуги это совсем не похоже.

Если подумать, он уже какое-то время находится в этой игровой системе. Согласно развитию сюжетной линии романа, героиня уже должна была появиться на сцене. Вот только, когда он читал эту книгу, он вроде бы не заметил упоминаний о том, что у Фу Юй есть какой-то особо любимый слуга!

Значит ли это, что свою судьбу он может взять в собственные руки?

Игровая система поставила перед ним задачу: сделать так, чтобы Фу Юй убил его.

Но разве смерть в игровом мире означает смерть в реальном? И что будет с ним после окончания игры? Вернется в реальную жизнь? Или начнется новый круг?

От избытка мыслей на душе стало беспокойно. К счастью, кошка на его руках оказалась на редкость сообразительной и ласковой — она тыкалась мордочкой ему в грудь и непрерывно ластилась.

Ван Цзиси уже привык вздремнуть после полудня на цветочной клумбе в дальнем конце сада.

Душа и тело расслабились до такой степени, что оторваться было невозможно.

Фу Юй издалека заметил растянувшегося в саду Ван Цзиси. Он стоял неподалеку у резных перил внутреннего двора, не сводя прямого взгляда с сада.

Цветущие с недавних пор персиковые деревья радовали глаз: нежные, утонченные лепестки источали приятный аромат, в котором сквозила легкая, едва уловимая соблазнительность. Прекрасны персиковые цветы, пышно алеют их соцветия — в этот чудесный солнечный весенний день они привлекали всеобщее внимание.

Но как бы ни были хороши персиковые цветы, они не шли ни в какое сравнение и с десятой долей очарования мужчины, навзничь лежащего посреди двора.

Ван Цзиси перевернулся на бок, и в этот момент краем глаза заметил чью-то фигуру у балюстрады.

Однако, приподнявшись и взглянув туда, он никого не обнаружил — перила пустовали.

Он цокнул языком, решив, что ему просто померещился призрак.

Следующие несколько дней Фу Юй на глаза не показывался. Лю Гуан то и дело бегал сюда, в основном принося разную утварь и угощения. Разглядывая гору диковинных вещей, уставленных на столе в комнате, Ван Цзиси находил это смехотворным.

Он же не юная девица, чтобы его задаривать! К чему все эти подарки?

Он перехватил Лю Гуана и попытался выпытать, как поживает Фу Юй в последние дни, но тот держал язык за зубами — сколько Ван Цзиси ни расспрашивал, ничего толкового узнать не удалось.

Плюнув на это дело, он выудил из горы роскошных подношений кувшин грушевого вина, прихватил с кухни парочку блюд с печеньем и отправился в садовую беседку. Плюхнувшись на каменный табурет, он решил приобщиться к древним поэтам — насладиться изысканностью и покоем! Авань, совмещая трапезу с созерцанием пейзажей, его деревянная башка выдаст какую-нибудь вечную строку!

Однако, сколько он ни пил, ни единой строчки из него не выдавило, а в голове от выпитого сделалось шумно и тяжело. Припав лбом к маленькому каменному столу, он собрался вздремнуть, как вдруг ему смутно мерещилось чье-то лицо... хм, разобрать, чье именно, было совершенно невозможно!

— Уйди, не мешай господину пить! — Ван Цзиси и впрямь здорово захмелел. Шатаясь, он поднялся на ноги, но не успел сделать и двух шагов, как налетел головой на каменный столб беседки. Удар вышел болезненным, но до конца рассудок он еще не потерял и биться дальше не стал. Плюхнувшись прямо на землю напротив того самого столба, он вытянул руку, ткнул в холодный камень пальцем и забормотал сам с собой: — Ну когда же я смогу вернуться в 2018-й? Я ни капли не хочу оставаться в этой глухомани, меня отсюда скоро стошнить от тоски! Ничего нельзя сделать... ты хоть скажешь, когда я смогу вернуться? А?..

Тут из ниоткуда выскочил Малыш Мэнмэн и выдал предупреждение: «В речи игрока обнаружены запрещенные слова, система автоматически наложила цензуру!»

Стоявший рядом Фу Юй услышал совсем другую версию:

— Ну когда же я смогу вернуться в XXXX, я ни капли не хочу оставаться в этой глухомани XX, меня отсюда скоро стошнить от XX! Ничего нельзя сделать... ты хоть скажешь, когда XXXX?..

Фу Юй нахмурился. Это он бредит с пьяных глаз?

Приблизившись, Фу Юй уловил от него слабый запах алкоголя — вино было не крепким, но этот партизан умудрился ужраться вдрызг и теперь сидел на земле, раскинув ноги, абсолютно неподобающим образом.

— Отвали! Когда ты мне нужен, вечно тебя не дозовешься! Стоит мне расслабиться, как ты тут как тут, выискиваешь изъяны! Чего? Красная карточка? Да хоть две! Думаешь, я испугался? Есть смелость — выходи, раз на раз сойдемся!

Эти слова явно адресовались вовсе не Фу Юю!

Слегка нахмурившись, Фу Юй протянул руку и приложил ладонь к его лбу — с одной стороны, чтобы проверить температуру, с другой — из опасения, что этот дурень снова начнет метаться и приложится головой о колонну.

Рука Фу Юй источала приятную прохладу, и лечь на лоб она оказалась словно освежающий пластырь — охлаждающий и очень комфортный.

Ван Цзиси лишь почувствовал, что к его лбу что-то прикоснулось, причем это что-то было прохладным и невероятно приятным. Ощущая жар во всем теле, он сгреб то, что лежало у него на лбу, и прижал прямо к щеке.

Фу Юй никак не ожидал, что этот тип настолько пьян, и тот наотмашь прижал его руку к своему лицу.

Фу Юй попытался выдернуть руку, но куда там — хватка у этого пьянчуги оказалась мертвой. Дернешь сильнее — еще неизвестно, какие кренделя он начнет выписывать в беспамятстве, так что пришлось временно пожертвовать собственной рукой ради его утешения!

— Хорошо! Как же хорошо! — Ван Цзиси принялся вовсю тереться лицом о чужую ладонь, оставляя на ней следы слюны. — Стихи! Буду писать стихи!

Фу Юй прикрыл один глаз, смирившись с этим пьяным дебошем.

— Грушевое вино, горсть абрикосового печенья в рот. Хороша древность, пересидеть в резиденции вана — жить припеваючи! Если есть на свете страсть, разве постареет мир? Молодость дана не для скуки! Не спится, песней разлуки вновь весенняя ночь полна... Коль красна весна и кратка, не грех ли коротать её в одиночестве?

Фу Юй чуть не скончался на месте от этого «произведения». Схватив со стола в лукошке для лакомств кусок абрикосового печенья, он затолкнул его прямо в рот поэту. Глядя, как полуприкрывший глаза дебошир машинально жует и сглатывает, Фу Юй почувствовал себя беспомощным. Похоже, в последние дни этот парень и правда распустился настолько, что совсем потерял берега.

— Ну как тебе мои стихи? — причмокнув, выдал Ван Цзиси.

Фу Юй: «.....»

Выслушав этот затяжной пьяный бред и вдоволь наевшись и напившись, Ван Цзиси тут же отключился. Устроившись поудобнее, он примостил голову прямо на коленях у Фу Юй, продолжая сидеть на земле.

Легкий ветерок принес с собой лепестки цветов, заставив зазвенеть колокольчик под карнизом. Сцена прижавшихся друг к другу людей выглядела неожиданно гармонично и живописно. Фу Юй опустил взгляд на уже заснувшего Ван Цзиси: он-то надеялся вывести у пьяного правду, а тот взял и вырубился, не ответив ни на один вопрос.

Сняв с себя шубу из меха норки, он укрыл ею Ван Цзиси, а затем велел слуге принести из спальни книгу и заварить в беседке хороший чай — раз такое дело, сегодня он составит Ван Цзиси компанию в послеобеденном сне.

Где-то неподалеку раздалось двойное мяуканье: ленивая кошка устроилась в цветнике возле перил, видом напоминая пьяного Ван Цзиси до степени смешения.

Новый порыв ветра взметнул прядь волос у Фу Юя на лбу и перелистнул страницу книги в его руке. Напоследок он бросил взгляд на крепко спящего Ван Цзиси — этот прохиндей и вправду продрыхнет до утра. В затихающем воздухе осталось лишь тихое, почти неслышное дыхание двоих людей.

<http://bllate.org/book/22337/2340204>